

26.00.01 Теология

УДК 297

DOI 10.22311/2074-1529-2022-18-4-65-84

О. А. Берникова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Е. А. Никитина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

ПЕРЕВОД КОРАНА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЯ СУР¹

БЕРНИКОВА Ольга Александровна —

канд. филол. наук, доцент кафедры арабской филологии.

Научная лаборатория по анализу

и моделированию социальных процессов,

Санкт-Петербургский государственный университет

(190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11).

E-mail: o.bernikova@spbu.ru

НИКИТИНА Екатерина Александровна —

лаборант-исследователь.

Научная лаборатория по анализу

и моделированию социальных процессов,

Санкт-Петербургский государственный университет

(190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11).

E-mail: nikitinakaterina2000@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые особенности перевода наименований сур Корана на китайский язык на основе изучения наиболее распространенного в Китае перевода, выполненного во второй половине прошлого

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета в рамках проекта «Научная лаборатория анализа и моделирования социальных процессов № 92565886».

столетия мусульманским интеллектуалом Мухаммадом Ма Цзянем. В ходе работы анализируются суры, наименования которых на китайском языке имеют расхождения с оригинальными названиями. Исследование сопровождается комментариями относительно потенциальных причин такого рода изменений с учетом факторов этнокультурного и лингвистического характера. В ряде случаев приводятся сравнения с переводами Корана на русский язык. В работе применялись методы источниковедения, историко-филологического и компаративного анализа. Изучив основные вехи распространения ислама в Поднебесной, авторы приходят к заключению, что особенности перевода наименований сур на китайский язык во многом обусловлены имевшей место вариативностью оригинальных названий в исторической перспективе. При этом принадлежность Мухаммада Ма Цзяня к общине хуэй, китайские традиции и обычаи также повлияли на процесс выбора эквивалентов. Очевидно, что поиск соответствий опирался на синтез методов, основанных на анализе различных вариантов наименования сур и необходимости этнокультурной адаптации отдельных понятий с целью обеспечения адекватного восприятия тех или иных концептов жителями Китая. Проблемы перевода Корана на китайский во многом связаны и с типологической разницей двух языковых систем. В связи с этим анализ переводов наименований сур на китайский язык кажется наиболее оптимальным в качестве отправной точки исследования указанной темы.

Ключевые слова: Коран, переводы Корана, сура, наименование суры, китайский язык, ислам, хуэй.

Для цитирования: Берникова О. А., Никитина Е. А. Перевод Корана на китайский язык: особенности наименования сур // Ислам в современном мире. 2022; 4: 65–84;

DOI DOI 10.22311/2074-1529-2022-18-4-65-84

Статья поступила в редакцию: 05.10.2022

Статья принята к публикации: 21.11.2022

Введение

Вопросы изучения языка Корана на протяжении многих столетий интересовали исследователей, каждое открытие сопровождалось появлением новых тем, определяя актуальные направления коранических штудий. В этом отношении деятельность, связанная с переводами Корана на различные языки мира, насчитывает многовековую историю и остается перспективным направлением современных исследований.

На начальном этапе распространения ислама интерес к переводу Корана не был значительным. Во многом это было связано с растущей значимостью и статусом арабского языка на вновь завоеванных

территориях, неподражаемостью Корана, глубоко укоренившимся среди мусульман убеждением, что «достоверное» чтение Корана возможно только на арабском языке¹. Как отмечает Дж. Маколифф, если бы кто-то смог сделать перевод, в котором бы проявились все тонкости оригинального арабского текста, то это можно было бы сопоставить с самим феноменом Корана. При этом автор ссылается на текст Священного Писания:

قُلْ لِّئِنِ اجْتَمَعَتِ الْإِنْسُ وَالْجِنُّ عَلَىٰ أَنْ يَأْتُوا بِمِثْلِ هَذَا
الْقُرْآنِ لَا يَأْتُونَ بِمِثْلِهِ وَلَوْ كَانَ بَعْضُهُمْ لِبَعْضٍ ظَهِيرًا

«Скажи: “Если бы собрались люди и джинны, чтобы сделать подобное этому Корану, они бы не создали подобного, хотя бы одни из них были другим помощниками”» (17: 90 (88))².

В связи с этим Т. Ибрагим отмечает, что мусульманские богословы не запрещают переводы Корана на другие языки, однако признают за ними «значение вспомогательных переложений, общих “переводов смыслов” Слова Божия»³.

На протяжении многих столетий складывались различные традиции переводов Корана на десятки языков мира. Интересен тот факт, что сегодня в этих целях стали применяться и технологии искусственного интеллекта⁴. Так, разработчики подобного решения для перевода Корана на итальянский язык предполагают, что именно применение технологий искусственного интеллекта позволит обеспечить максимально корректную передачу смысла оригинального текста. Инновационный метод основан на использовании параллельного арабско-итальянского корпуса, включающего 6237 предложений о применении моделей глубокого обучения. По мнению авторов, результаты нейронного машинного перевода должны быть качественнее подобной работы, выполненной человеком⁵.

В отечественной науке интерес к изучению особенностей переводов Корана в основном касался русского языка. Вместе с тем существует

¹ Bobzin H. Translations of the Qur’ān // Encyclopaedia of the Qur’ān, General Editor: Jane Dammen McAuliffe, Georgetown University, Washington DC. [Электронный ресурс] // URL: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-the-quran> (дата обращения: 26.05.2022).

² Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1990. 727 с.

³ Ибрагим Т. К. Коран // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс] // URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/2095937 (дата обращения: 01.09.2022).

⁴ Подробнее о применении ИКТ в исследованиях языка Корана см. Редькин О. И., Берникова О. А. Коран как объект междисциплинарных исследований // Ислам в современном мире. 2020. Т. 16. № 4. С. 51–61.

⁵ Hamed H., Helmy A. and Mohammed A. Holy Quran-Italian seq2seq Machine Translation with Attention Mechanism // 2nd International Mobile, Intelligent, and Ubiquitous Computing Conference (MIUCC), 2022. Pp. 11–20.

потребность в изучении методов и подходов к переводам Корана и на другие языки мира, в проведении сопоставительного анализа имеющихся текстов. Существенным прорывом в этом отношении стала серия научных статей Д. В. Мухетдинова, посвященная как переводам Корана в России в исторической перспективе¹, так и традиции перевода Корана на испанский язык², на французский³ в контексте поиска баланса между эстетическими характеристиками текста перевода и его научной адекватностью.

Характеризуя обстоятельства создания указанных трудов, Д. В. Мухетдинов анализирует методологию проведения такого рода исследований, обозначает перспективные тенденции развития традиции перевода и интерпретации Корана. Автор отмечает: «К сожалению, практически полное отсутствие публикаций подобного рода свидетельствует о том, что тема не занимает надлежащего ей места в культурном самосознании русскоязычного интеллектуального и духовного пространства. Иными словами, традиция перевода Корана на русский язык в недостаточной степени осознается как таковая и сообразно важности ее духовной роли, которую поистине трудно переоценить»⁴.

Приведенный комментарий справедлив и относительно изучения переводов Корана на китайский язык. За последнее столетие в Поднебесной было создано около 20 переводов, с помощью которых китайские мусульмане могут более точно интерпретировать и осознавать смысл, заложенный в Священном тексте⁵.

Данная статья продолжает исследования, посвященные переводам Корана. Объектом изучения выступает фундаментальный, наиболее популярный и признанный на международном уровне перевод Корана на китайский язык, который был выполнен во второй половине прошлого века мусульманским интеллектуалом, представителем общины хуэй Мухаммадом Ма Цзянем. На основе изучения особенностей распространения ислама в Китае в работе осуществляется выборочный компаративный анализ наименований сур в китайском и арабском языках. При этом определяются суры, имеющие наиболее

¹ Мухетдинов Д. В. Аналитический обзор русских переводов Корана начала XXI в. // Ислам в современном мире. 2022. Т. 18. № 2. С. 47–74; Мухетдинов Д. В. Аналитический обзор русских переводов Корана конца XX в. // Ислам в современном мире. 2022. Т. 18. № 1. С. 47–66. Мухетдинов Д. В. Очерк истории традиции переводов Корана на русский язык в XIX — середине XX в.: веки и перспективы // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 4. С. 41–62.

² Мухетдинов Д. В. История традиции перевода Корана на испанский язык в XV–XX вв. в контексте процесса становления мультирелигиозной испанской идентичности Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 1. С. 27–58.

³ Мухетдинов Д. В. Исторический анализ развития традиции перевода Корана на французский язык: в поиске синтеза эстетики и науки // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 2. С. 91–118.

⁴ Мухетдинов Д. В. Очерк истории традиции переводов Корана на русский язык в XIX — середине XX в.: веки и перспективы // Ислам в современном мире. 2021. Т. 17. № 4. С. 41.

⁵ Ma Zhan Ming. Chinese Scholarship and the Interpretation and Translation of the Qur'an // Journal of Qur'anic Studies. June 2014. Vol. 16. No. 2. Pp. 196–217.

существенные расхождения оригинального арабского слова (слово-сочетания) и варианта их перевода на китайский язык. Исследование сопровождается комментариями относительно потенциальных причин, вызвавших имеющиеся расхождения с точки зрения факторов этнокультурного и лингвистического характера. В ряде случаев приводятся сравнения с переводами Корана на русский язык.

Проблемы перевода Корана на китайский во многом связаны с типологической разницей двух языковых систем, проявляющейся на всех лингвистических уровнях. Отсутствие в китайском языке разветвлённой словоизменительной глагольной и именной парадигмы создает трудности в передаче времени действия, наклонений, императивных конструкций, оборотов восхищения, значимость которых для восприятия стилистики и риторики Корана нельзя переоценить. В связи с этим анализ переводов названий сур Корана на китайский язык кажется наиболее оптимальным в качестве отправной точки исследования указанной темы.

История создания и изучения переводов Корана на китайский язык

Несмотря на то, что впервые Коран был фрагментарно переведен на китайский язык в 1862 г.¹, активная деятельность в этой сфере развернулась в Китае лишь в XX в. В 1927 и 1931 гг. были созданы такие работы, как 可蘭經 [Kělánjīng] «Коран» и 漢譯古蘭經 [Hànyì Gǔlánjīng] «Перевод Корана на китайский язык». Первая из них была написана Ли Тьеженом, вторая принадлежит перу Цзи Цзюэми².

Автором первого полного перевода на китайский язык, созданного непосредственно мусульманином, стал выпускник Ал-Азхара Якуб Ван Цзинчжай. Его перу принадлежат три различных издания перевода Священного Писания 古蘭經譯解 [Gǔlánjīng yìjiě] «Перевод смыслов Корана», которые были опубликованы в 1932, 1942 и 1946 годах.

Отдельного внимания заслуживает деятельность упомянутого ранее известного китайского мусульманского ученого Мухаммада Ма Цзяня 馬堅 [Mǎ Jiān] (1906–1978 гг.). С 1931 по 1937 г. он проходил обучение в университете Ал-Азхар, где начал работать над переводом Корана на китайский язык³. Полная версия его труда была опубликована в 1981 г.

¹ Wen-chin O. The Qur'an and Identity in Contemporary Chinese Fiction // Journal of Qur'anic Studies. 2014. Vol. 16. No. 3; The Qur'an in Modern World Literature. Edinburgh University Press on behalf of the Centre for Islamic Studies at SOAS. P. 62.

² Petersen, Kristian. Interpreting Islam in China: Pilgrimage, Scripture and Language in the Han Kitab. Oxford University Press, 2018. P. 127.

³ Ibid.

Примечателен тот факт, что основной вариант перевода Мухаммада Ма Цзяня вышел в свет уже после проведения реформы по внедрению упрощенной иероглифической системы¹. Вследствие этого его работа до сих пор остается понятной для большинства жителей Китая. Кроме того, перевод Ма Цзяня принято считать одним из самых успешных в Поднебесной. Именно этот труд, благодаря своей фундаментальности и точности передачи смысла Писания, пользуется большой популярностью в среде мусульман, говорящих на китайском языке.

Что касается вопросов изучения переводов Корана на китайский язык, то, как уже было отмечено ранее, эта тема, несмотря на ее актуальность, не получила детального освещения в отечественной научной литературе. Из немногочисленных работ по данной теме отметим исследование О. И. Завьяловой «Ислам в России и Китае: переводы Корана»².

Среди англоязычных трудов, касающихся истории переводов Корана на китайский язык и текстологического анализа некоторых сур, следует выделить диссертацию норвежского ученого И. Спира *Chinese Translations of the Qur'an: a Close Reading of Selected Passages*³, а также исследование Цзинь Ицзю *The Qur'an in China*, в котором автор уделяет основное внимание истории создания переводов Корана в Китае⁴. В работе Ма Джан Мина *Chinese Scholarship and the Interpretation and Translation of the Qur'an* представлен аналитический обзор трудов китайских ученых в области коранистики, также рассматривается история переводов Корана на китайский язык⁵.

Ислам в Китае

На территорию Китая ислам начал проникать в VII в. практически сразу после своего возникновения. В настоящий момент в Поднебесной насчитывается более 23 миллионов мусульман. При этом около 50% из них составляют уйгуры, казахи, а также представители других этносов, проживающие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее СУАР). Наиболее представительная община мусульман в Китае — хуэй⁶

¹ Zhou Y. G. Language planning of China // *Journal of Asian Pacific Communication*. 2001. Vol. 11. Pp. 9–16.

² Завьялова О. И. Ислам в России и Китае: переводы Корана // *Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке*. Ч. 2. М., 1996.

³ Spira I. *Chinese Translations of the Qur'an: A Close Reading of Selected Passages*. M.A. thesis, University of Oslo, 2005.

⁴ Jin Y. *The Qur'an in China*. *Contributions to Asian Studies*. Vol. 17 (1982). P. 95–10.

⁵ Ma Zhan Ming. *Chinese Scholarship and the Interpretation and Translation of the Qur'an* // *Journal of Qur'anic Studies*, June 2014, vol. 16, No. 2. P. 217–196.

⁶ В русском языке существует несколько различных способов передачи термина 回族 (huí zú). Среди них наиболее распространёнными являются «хуэй», «хуэй-цзу» и «хуэйцы». В данном исследовании будет использован термин «хуэй».

回族 [huízú] — составляет 45% всего мусульманского населения Китая, что по оценкам переписи 2010 г. составляет 10,6 млн человек. Представители этой общины населяют большинство китайских провинций и являются потомками арабских и персидских торговцев и воинов, прибывавших в Поднебесную со своими миссиями¹. Несмотря на то, что как хуэйцы, так и уйгуры являются мусульманами, между ними существуют серьезные различия. В то время как представители народности хуэй уже к XVI в. были в значительной степени ассимилированы ханьским этносом, жители СУАР продолжают бороться за сохранение своей национальной идентичности и по сей день. Интеграция хуэйцев в китайское общество лишь усилила культурные и мировоззренческие различия, существовавшие между этими двумя группами мусульман Китая.

На протяжении долгой истории хуэй в Китае, равной истории ислама, китайские мусульмане настаивали на соблюдении религиозных обрядов (совершение индивидуальных и групповых молитв, пост в месяц рамадан, паломничество в Мекку и Медину, соблюдение мусульманских обрядов при рождении, браке, погребении). Отмечается, что они используют в речи на китайском языке арабские термины, обозначающие религиозные ритуалы. Их кухня соответствует нормам ислама и лишена свинины и алкоголя. По словам Вэнь Чина, идентичность хуэй в большей степени основана на религии, чем на этнической принадлежности и национальности². Вместе с тем Д. Ативилл отмечает существование в научном дискурсе различных точек зрения относительно приоритетной идентичности хуэйцев, в том числе приводя аргументы, которые часто выходят за рамки описания хуэй исключительно как мусульман³.

Анализ перевода Корана, выполненного представителем общины хуэй, позволит сформировать новые аргументы в указанном споре через призму изучения своеобразия перевода отдельных концептов и степени их адаптации к культурному коду рассматриваемой общности.

Поскольку большинство представителей народности хуэй не владеют арабским языком, переводы Корана на китайский язык являются неотъемлемой частью их культуры и играют немаловажную роль в жизни мусульманской общины Китая. Несмотря на это, они до сих пор остаются недостаточно изученными.

¹ Hui Muslims in China / edited by Gui Rong, Hacer Zekiye Gönül, Zhang Xiaoyan. Belgium: Leuven University Press, 2016. Pp. 11–12.

² Wen-chin O. The Qur'an and Identity in Contemporary Chinese Fiction // Journal of Qur'anic Studies. 2014. Vol. 16. No. 3. The Qur'an in Modern World Literature. Edinburgh University Press on behalf of the Centre for Islamic Studies at SOAS. P. 63.

³ Atwill D. Blinkered Visions: Islamic Identity, Hui Ethnicity, and the Panthay Rebellion in Southwest China, 1856–1873 // The Journal of Asian Studies. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 1084.

Наименование сур в переводе Корана на китайский язык

Вопрос возникновения и перевода названий коранических сур до сих пор остается дискуссионным. Именно они, являясь значимыми структурными элементами, с которыми в первую очередь сталкивается верующий, во многом влияют на дальнейшее восприятие текста Корана. При этом названия не всегда отражают суть Откровения. Зачастую в их основе лежит ключевое или же наиболее часто употребляемое в определенном фрагменте слово.

Кроме того, до сих пор остается открытым вопрос, упоминал ли Мухаммад во время своих проповедей непосредственно названия коранических Откровений, или же они появились позднее. Так, Е. А. Резван отмечает, что «первоначально суры не имели названий»¹. Между тем Джалал ад-дин ас-Суйути указывает на то, что еще сам Пророк упоминал название суры «Корова», а также других коранических Откровений². А. Д. Кныш подчеркивает, что в мусульманской экзегетической традиции каждая сура известна под определенным названием, а не по ее порядковому номеру в тексте Корана. При этом наименование зачастую не имеет прямого отношения к основному содержанию, а может быть выбрано по иным критериям³. Последнее утверждение подчёркивает актуальность изучения вопроса о поиске аналогов перевода названий коранических сур средствами иных языковых систем.

В рамках данного исследования анализируются наименования сур в переводе Корана на китайский язык, выполненном Мухаммадом Ма Цзянем. В своем труде автор представляет китайский вариант названия сур, рядом с которым он также приводит иероглифическую транскрипцию арабских понятий⁴.

Сопоставительный анализ оригинальных наименований сур и их эквивалентов в переводе на китайский язык продемонстрировал то, что в целом Мухаммад Ма Цзянь достаточно близко передает значения названий оригинального текста. Вместе с тем расхождения, которые будут рассмотрены ниже, во многом носят лингвистический характер, обусловленный типологической разницей китайского и арабского языков, которая в данном контексте проявилась и в способе передачи некоторых названий. Так, отмечено изменение частеречной принадлежности

¹ Резван Е. А. Введение в коранистику. Казань: Издательство Казанского университета, 2014. С. 77.

² 119. ص. 2008. مؤسسة الرسالة، بيروت: الاتقان في علوم القرآن. جلال الدين السيوطي. *Jalāl al-Dīn al-Suyūṭī. Al-Itqān fī ‘Ulum Al-Qur’an*. Beirut: Mu’assasat resalah, 2008. S. 119.

³ Кныш А. Д. Ислам в исторической перспективе: начальный этап и основные источники. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 133.

⁴ 马坚 [Mǎ Jiān]. 中文译解古兰经 [Zhōngwén Yìjiě Gùlánjīng]. Goodword Books, 2016. Pp. 3–6.

понятий и (в ряде случаев) их семантического поля. В качестве примера рассмотрим название первой суры «Ал-Фатиха». Так как китайский язык относится к изолирующим, система его словообразования существенно отличается от таковой в арабском языке. В связи с этим в данном случае передать причастную форму лексемы الْفَاتِحَةُ [al-fātiḥa] «Открывающая» не представляется возможным. Для обозначения первой суры Корана в китайском языке употреблен иероглиф 开端 [kāi duān]. Первая графема в нем переводится как «начинать, открывать». Вторая же лексема обозначает начало и первопричину. Исходя из этого, можно сделать вывод, что иероглиф 开端 [kāi duān] полностью передает значение арабского понятия الْفَاتِحَةُ [al-fātiḥa], однако не отражает его грамматические особенности.

Примером схожего явления может служить и перевод названия 108-й суры. В арабском варианте использовано слово الْكَوْتَرُ [al-kawṭar], что означает «Изобилие». На китайский язык название этой суры передано с помощью лексемы 多福 [duōfú]. Как правило, эти иероглифы переводятся в значении «много счастья» или же «большое счастье». Однако в данном контексте автор, вероятно, вкладывал в это слово немного иной смысл. Первая графема 多 [duō] в иероглифе 多福 [duōfú] обозначает «много». Вторая лексема 福 [fú] переводится как «счастье», «благополучие» или же «полнота»¹. Именно значение «полнота» вкупе с словом «много» достаточно точно передают смысл понятия «изобилие», хотя и не являются его буквальным переводом.

Помимо лингвистических различий между арабским и китайским вариантами названия сур в работе Мухаммада Ма Цзяня также встречаются и семантические расхождения с оригинальным текстом. Их можно условно разделить на две категории.

К первой группе относятся незначительные различия, обусловленные, вероятно, влиянием китайского культурного кода на процесс перевода. В качестве примера приведем название пятой суры الْمَائِدَةُ [al-mā'ida]. В переводе на русский язык слово الْمَائِدَةُ [al-mā'ida] означает «стол» или «трапеза»². В китайском же варианте использована лексема 筵席 [yán xí]³. Эти иероглифы можно также перевести, как трапезу. Однако их первое значение — «циновка». С одной стороны, интересно, что переводчик сумел найти аналог, одновременно означающий и сам прием пищи, и предмет, связанный с ним. С другой стороны, подсознательная замена «стола» на «циновку» может свидетельствовать о стремлении

¹ Большой Китайско-русский словарь. [Электронный ресурс] // URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%A4%9A%E7%A6%8F> (дата обращения: 04.06.2022).

² *Al-Maany* [URL]: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%8E%D8%A7%D8%A6%D9%90%D8%AF%D9%8E%D8%A9/> (дата обращения: 04.06.2022).

³ Большой Китайско-русский словарь. [Электронный ресурс] // URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E7%AD%B5+%E5%B8%AD> (дата обращения: 04.06.2022).

переводчика использовать эквивалент концепта, который соотносится с национальной идентичностью общины хуэй, ее близостью к китайской культуре, что нашло свое отражение в выборе лексики.

Аналогичное явление наблюдается и в переводе названия суры 85 البُرُوج [al-burūġ]. В арабском языке слово البُرُوج [al-burūġ] означает как «башни», так и «созвездия»¹. Интересно отметить, что в переводах данной суры на русский язык встречаются названия «Созвездия», «Созвездия зодиака», однако преобладает название «Башни».

Различия в имеющихся толкованиях слова *burūġ* детально описаны Д. В. Фроловым в работе «Комментарий к Корану. Тридцатый джуз»². Автор отмечает, что большинство комментаторов связывают слово *burūġ* со «звездами» (*nuġūm*) или «светилами» (*kawākib*), иногда упоминаемая 12 зодиакальных созвездий. Другие толкования касаются «замков в небесах» или «дворцах в небе, построенных из звезд». Интересно, что в корпусе Корана название данной суры на английском языке представлено как «*The Big Stars*» что означает «Большие звезды»³.

При передаче названия данной суры на китайский язык автор использовал понятие 十二宮 [shíèrgōng] «12 знаков зодиака», где третий иероглиф 宮 [gōng] также обозначает и дворец, и созвездие⁴. Особого внимания заслуживает передающая число двенадцать и отсутствующая в арабском варианте лексема 十二 [shíèr]. В китайской культуре 12 символизирует гармонию, порядок и некую целостность. Именно сочетание числа 十二 [shíèr] с графемой 宮 [gōng], образующее лексему «12 знаков зодиака», зачастую воспринимается как единое понятие, обозначающее знаки зодиака в целом.

Ко второй категории можно отнести те суры, названия которых были существенно изменены Мухаммадом Ма Цзянем в процессе перевода. В некоторых случаях автор, стараясь наиболее точно отразить в названии смысл самого Откровения, либо смещал акценты, либо полностью заменял слова, использованные в оригинале.

Следует начать с суры 59 под названием الحَشْر [al-ḥaṣr], что в переводе означает «собрание»⁵. В китайском языке употреблено понятие 放逐 [fàngzhú] «изгнание». Из этого следует, что переводчик, вероятно, использовал слово, которое, по его мнению, наиболее точно отражало

¹ *Al-Maany* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D8%A8%D8%B1%D8%AC/> (дата обращения: 05.06.2022).

² Фролов Д. В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 1. Суры 78–87. М.: Восточная книга, 2011. С. 440.

³ *The Quranic Arabic Corpus* [Электронный ресурс] // URL: <https://corpus.quran.com/translation.jsp?chapter=100&verse=1> (дата обращения: 01.10.2022).

⁴ *Handian* [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zdic.net/hans/%E5%AE%AB> (дата обращения: 05.06.2022).

⁵ Гиргас В. Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2006. С. 167.

содержание суры. В основе подобной замены может лежать отрывок из второго айата суры «Собрание»:

هُوَ الَّذِي أَخْرَجَ الَّذِينَ كَفَرُوا مِنْ أَهْلِ الْكُتُبِ مِنْ دِيَارِهِمْ لِأَوَّلِ الْحَشْرِ¹

«Он – тот, кто изгнал неверующих людей Писания из их жилищ во время первого собрания» [59: 2]².

В этом фрагменте встречаются как слово «собрание», так и понятие «изгнание». Однако в китайском переводе этого же отрывка термин «собрание» заменен на слово «изгнание»: 在初次放逐的时候, что переводится, как «во время первого изгнания»³. Примечательно, что данная сура ранее имела как название «Собрание», так и название «Бану надир», поскольку в самом тексте Корана приводится история изгнания этого племени⁴, что, вероятно, и побудило автора наиболее точно отразить содержание суры в самом названии. Мухаммад Ма Цзянь заменяет слово, присутствующее в оригинале, на другое, которое, по его мнению, лучше вписывается в контекст и точнее передает смысл. В переводах наименований данной суры на русский язык также отмечена вариативность подходов. Так, И. Ю. Крачковский и Э. Р. Кулиев оставляют в своих работах «Собрание», а Г. С. Саблуков использует «Изгнание»⁵.

Рассмотрим наименование другой суры. В арабском варианте сура 81 носит название التَّكْوِير at-takwīr «Скручивание». В китайском языке она обозначена как 黯黹 [àntǎn] «темный», «черный»⁶. В самом тексте перевода изначальная фраза (81: 1) «Когда солнце будет скручено» (إِذَا الشَّمْسُ كُوِّرَتْ)⁷ заменена на сочетание «Когда солнце станет темным» (当太阳黯黹的时候)⁸. Из этого примера видно, что автор снова не просто вводит новое слово в название, но и использует его непосредственно в самом айате. В данном случае, заменяя «скручивание» на «темноту», Мухаммад Ма Цзянь, видимо, старается создать более наглядный и понятный китайскому читателю образ. Интересен тот факт, что, хотя в большинстве переводов Корана на русский язык использовано слово

¹ Al-Qur'ān Al-Kareem. Beirut, 2020. P. 545.

² Перевод айата наш. — О. Б., Е. Н.

³ 马坚 [Mǎ Jiān]. 中文译解古兰经 [Zhōngwén Yìjiě Gūlánjīng]. Goodword Books, 2016. P. 410.

⁴ 124. جلال الدين السيوطي. الاتقان في علوم القرآن. ص 124. Jalāl al-Dīn al-Suyūṭī. Al-Itqān fī 'Ulum Al-Qur'an.

⁵ Саблуков Г. С. Коран. М.: Белый город, 2012. 376 с.

⁶ Handian [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zdic.net/hans/%E9%BB%AF%E9%BB%AE> (дата обращения: 05.06.2022).

⁷ Al-Qur'ān Al-Kareem. Beirut, 2020. P. 586.

⁸ 马坚 [Mǎ Jiān]. 中文译解古兰经 [Zhōngwén Yìjiě Gūlánjīng]. Goodword Books, 2016. P. 443.

«скручивание», в работе М.-Н. О. Османова также присутствует фраза «Когда солнце покроется мраком». Такое сходство указывает на общность образов и интерпретаций, присущую различным культурам. Однако в самом названии суры М.-Н. О. Османов, в отличие от Мухаммада Ма Цзяня, все же сохраняет термин «Скручивание».

Попытка Мухаммада Ма Цзяня конкретизировать образы прослеживается и в суре 100, которая в оригинале называется *الغَادِيَات* [al-‘ādiyāt] «Мчашиеся»¹. Данную суру чаще относят к раннему мекканскому периоду². Несмотря на то, что в оригинале использовано причастие действительного залога во множественном числе, а непосредственное действующее лицо не названо (*العَدِيَّتِ* «мчашиеся»; *المَوْدِيَّتِ* «высекающие искры»; *الْمُعِيرَاتِ* «нападающие»)³, в китайском варианте передачи названия этой суры к лексеме «мчашийся» 奔驰 [bēnchí] добавляется иероглиф 马队 [mǎduì] «конный отряд», в результате чего получается слово 奔驰的马队 [bēnchí de mǎduì] «мчащаяся конница». Очевидно, что в Коране речь идет о верховых животных, однако упоминания лошадей в самом тексте нет. Здесь снова возникает параллель перевода Мухаммада Ма Цзяня с трудом М.-Н. О. Османова, где также присутствует слово «кони» («Клянусь конями, скачущими, задыхаясь» (100: 1))⁴. При этом Д. В. Фролов отмечает, что в толковании первого аята, содержащего приведенное в названии слово ‘ādiyāt конкурировали две версии. Первая (наиболее вероятная) восходит к Ибн ‘Аббасу, который отмечал, что речь идет о конях во время набега, вторая — к ‘Али и Ибн Мас‘уду, считавшему, что здесь описаны верблюды во время хаджа⁵.

Нельзя оставить без внимания и суру 25 под названием *الْفُرْقَان* [al-furqān] «Различение», под которым зачастую подразумевается способность отделять ложь от истины, праведный, прямой путь от заблуждений⁶. В своей работе Мухаммад Ма Цзянь использует понятие 准则 [zhǔnzé] «правила», «мерило» или «нормы». Этот термин отражает заложенный в оригинальном названии смысл, ведь именно нормы и правила проводят грань между праведной и порочной жизнью. Вместе с тем в слове «различение» заложено противопоставление, которое

¹ В списке «Вариантов наименований сур и их групп» Е. А. Резван приводит также варианты *ва-л-‘ади́ят* и *ва-л-‘ади́ати субхан* (сохранена оригинальная транслитерация). Резван Е. А. Введение в коранистику. Казань: Издательство Казанского университета, 2014. С. 364. Очевидно, что указанные названия связаны с первым словом и первым аятом в тексте данной суры.

² *Dictionary of Qur’anic Usage* Edited by Badawi E., Abdel Haleem M. [Электронный ресурс] // URL: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/dictionary-of-quranic-usage> (дата обращения: 05.06.2022).

³ Al-Qur’ān Al-Kareem. Beirut, 2020. P. 599.

⁴ *Коран* Перевод с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. СПб.: Диля, 2019. 576 с.

⁵ Фролов Д. В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз’. Т. 3. Суры 98–114. М.: Восточная книга, 2014. С. 105.

⁶ Al-Maany [Электронный ресурс] // URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D9%81%D9%8F%D8%B1%D9%92%D9%82%D9%8E%D8%A7%D9%86/> (дата обращения: 05.06.2022).

не в полной мере соотносится с семантическим полем слова «норма». В большинстве имеющихся переводов Корана на русский язык присутствует единообразие в передаче названия данной суры («Различение»). Одним из немногих исключений является перевод Г. С. Саблукова, в котором указанная сура названа в соответствии с арабским словом «Фуркан» (без сохранения определенного артикля).

В «Энциклопедии Корана» الفُرْقَان [al-furqān] рассматривается как «стандарт судейства», «критерий». Слово встречается в Коране семь раз (2: 53, 185; 3: 4; 8: 29, 41; 21: 48; 25: 1). Предположительно, этот термин происходит от арамейско-сирийского *purqāna*, что означает «спасение», «избавление», «искупление». Кроме того, считается, что происхождение слова от арабского корня *f-r-q* («отделять, различать») не может объяснить все случаи использования данной лексемы в Коране. В связи с этим существуют два основных толкования термина: первое несет сотериологический смысл, а второе — понятие разделения и различения, характерное для арабского корня *f-r-q*¹. Эта двойственность очевидно отражается и в имеющихся переводах наименования данной суры.

В заключение рассмотрим перевод названия 111-й суры الْمَسَد [al-masad]. Наиболее употребительны два варианта перевода данного названия — «Пальмовые волокна» или «Веревка из пальмовых волокон». В китайском же варианте выбрано слово 火焰 [huǒ yàn] «Огненное пламя». Такая замена не случайна. В тексте суры упоминается как пламя 烈火 [lièhuǒ], так и веревка 繩子 [shéngzi]², однако переводчик делает основной упор именно на огонь. Немаловажно то, что в ранние века ислама существовало альтернативное название этой суры. В его основе лежала глагольная форма «Да пропадет» (или «Да отсохнут»), с которой начинается текст Откровения³. При этом использованное в китайском варианте слово «Пламя» *lahab* крайне редко упоминается в качестве заглавия в источниках. Как отмечает Д. В. Фролов: «Помимо того, что это слово (т. е. *lahab*) в Коране достаточно редкое <...> оно еще подчеркивает проклятие, обращенное к Абу Лахабу, ибо первый раз встречается как часть его прозвища (111: 1), а второй раз — в описании адского Огня»⁴.

Сопоставительный анализ переводов наименований рассмотренных сур на китайский и русский языки позволяет отметить вариативность в передаче названий в имеющихся переводах на русский язык,

¹ Madigan D. Criterion // Encyclopaedia of the Qur'ān, General Editor: Jane Dammen McAuliffe, Georgetown University, Washington DC. [Электронный ресурс] // URL: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-the-quran> Consulted online on 28 October 2022.

² 马坚 [Mǎ Jiān]. 中文译解古兰经 [Zhōngwén Yìjiě Gǔlánjīng]. Goodword Books, 2016. P. 459.

³ جلال الدين السيوطي. الاتقان في علوم القرآن. ص 125. Jalāl al-Dīn al-Suyūṭī. Al-Itqān fi 'Ulum Al-Qur'an. § 125.

⁴ Фролов Д. В. Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 3. Суры 98–114. М.: Восточная книга, 2014. С. 335.

что демонстрирует приводимая ниже таблица. При этом в ряде случаев решения, найденные Мухаммадом Ма Цзянем, значительно переключаются с переводом Г. С. Саблукова.

Таблица
Выборочный сопоставительный анализ переводов
наименований сур на китайский и русский языки

Номер суры	Оригинальное название / транскрипция / перевод	Перевод на китайский язык Мухаммада Ма Цзяня	Перевод на русский язык И. Ю. Крачковского	Перевод на русский язык Г. С. Саблукова
5	المَائِدَة [al-mā'ida] «Стол», «Трапеза»	筵席 [yán xí] «Циновка», «Угощение», «Трапеза»	Трапеза	Трапеза
85	الرُّجُوج [al-būrūğ] «Башни», «Созвездия»	十二宫 [shìèrgōng] «12 знаков зодиака»	Башни	Созвездия зодиака
25	الفُرْقَان [al-furqān] «Различение»	准则 [zhǔnzé] «Правила», «Мерило», «Нормы»	Различение	Фуркан
59	الحَشْر [al-ḥašr] «Собрание»	放逐 [fàngzhú] «Изгнание»	Собрание	Изгнание
81	التَّوْوِير [at-takwīr] «Скручивание»	黯黮 [àntǎn] «Темный», «Черный»	Скручивание	Обвитие
100	الْعَادِيَات [al-'ādiyāt] «Мчщиеся»	奔驰的马队 [bēnchí de mǎduì] «Мчащаяся конница»	Мчщиеся	Быстробегущие
111	المَسَد [al-masad] «Веревка из пальмовых волокон» «Таббат»	火焰 [huǒ yàn] «Огненное пламя»	Пальмовые волокна	Пальмовые волокна

Выводы

Особенности перевода названий сур Корана на китайский язык во многом обусловлены историей их возникновения и вариативностью оригинальных наименований с момента письменной фиксации Священного текста, в основе которых могло лежать как ключевое слово, так и начало первого айата. Например, 111-я сура المسد «Пальмовые волокна» имела и название تبت «Да пропадут», а также ابو لهب «Абу Лахаб» (или «Лахаб»). Детальный перечень вариантов наименований сур и их групп, приведенный в работе Е. А. Резвана «Введение в коранистику»¹, позволяет сделать вывод о влиянии имеющей место вариативности на перевод наименований сур на китайский язык, предложенный Мухаммадом Ма Цзянем. При этом принадлежность переводчика к общине хуэй, китайские традиции и обычаи также повлияли на процесс выбора эквивалентов. Очевидно, что поиск соответствий опирался на синтез методов, основанных на анализе различных вариантов наименования сур и необходимости этнокультурной адаптации отдельных понятий с целью обеспечения адекватного восприятия тех или иных концептов жителями Поднебесной.

Последнее наиболее наглядно проявляется при сопоставительном анализе переводов наименований сур Корана на русский и китайский языки, результаты которого говорят об имеющихся расхождениях. Вероятно, это обусловлено историческим контекстом, сопутствующим формированию традиций перевода, а также факторами экстралингвистического характера.

Литература

Гиргас В. Ф. Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2006. 928 с.

Завьялова О. И. Ислам в России и Китае: переводы Корана // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI веке: тезисы доклада. Ч. 2. М., 1996. С. 51–54.

Кныш А. Д. Ислам в исторической перспективе: начальный этап и основные источники. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 192 с.

Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1990. 727 с.

Коран. Перевод с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. СПб.: Диля, 2019. 576 с.

¹ Резван Е. А. Введение в коранистику. Казань: Издательство Казанского университета, 2014. С. 364.

- Мухетдинов Д. В.* Аналитический обзор русских переводов Корана начала XXI в. // *Ислам в современном мире*. 2022. Т. 18. № 2. С. 47–74.
- Мухетдинов Д. В.* Аналитический обзор русских переводов Корана конца XX в. // *Ислам в современном мире*. 2022. Т. 18. № 1. С. 47–66.
- Мухетдинов Д. В.* Исторический анализ развития традиции перевода Корана на французский язык: в поиске синтеза эстетики и науки // *Ислам в современном мире*. 2021. Т. 17. № 2. С. 91–118.
- Мухетдинов Д. В.* История традиции перевода Корана на испанский язык в XV–XX вв. в контексте процесса становления мультирелигиозной испанской идентичности // *Ислам в современном мире*. 2021. Т. 17. № 1. С. 27–58.
- Мухетдинов Д. В.* Очерк истории традиции переводов Корана на русский язык в XIX — середине XX в.: вехи и перспективы // *Ислам в современном мире*. 2021. Т. 17. № 4. С. 41–62.
- Редькин О. И., Берникова О. А.* Коран как объект междисциплинарных исследований // *Ислам в современном мире*. 2020. Т. 16. № 4. С. 51–61.
- Резван Е. А.* Введение в коранистику. Казань: Издательство Казанского университета, 2014. 408 с.
- Саблуков Г. С.* Коран. М.: Белый город, 2012. 376 с.
- Фролов Д. В.* Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 1. Суры 78–87. М.: Восточная книга, 2011. 592 с.
- Фролов Д. В.* Комментарий к Корану. Тридцатый джуз'. Т. 3. Суры 98–114. М.: Восточная книга, 2014. 448 с.
- Al-Qur'ān Al-Kareem*. Beirut: Dar Al-Doaa, 2020. 609 p.
- Atwill D.* Blinkered Visions: Islamic Identity, Hui Ethnicity, and the Panthay Rebellion in Southwest China, 1856–1873 // *The Journal of Asian Studies*, 2003. Vol. 62, No. 4. P. 1079–1084.
- Hamed H., Helmy A. and Mohammed A.* Holy Quran-Italian seq2seq Machine Translation with Attention Mechanism // 2nd International Mobile, Intelligent, and Ubiquitous Computing Conference (MIUCC). 2022. Pp. 11–20.
- Hui Muslims in China* / edited by Gui Rong, Hacer Zekiye Gönül, Zhang Xiaoyan. Belgium: Leuven University Press, 2016. 199 p.
- Jin Y.* The Qur'an in China // *Contributions to Asian Studies*. 1982. Vol. 17. Pp. 95–10.
- Ma Zhan Ming* Chinese Scholarship and the Interpretation and Translation of the Qur'an // *Journal of Qur'anic Studies*. June 2014. Vol. 16. No. 2. Pp. 217–196.
- Petersen K.* Interpreting Islam in China: Pilgrimage, Scripture and Language in the Han Kitab. Oxford University Press, 2018. 304 p.
- Spira I.* Chinese Translations of the Qur'ān: A Close Reading of Selected Passages. M.A. thesis, University of Oslo, 2005. 193 p.
- Wen-chin O.* The Qur'an and Identity in Contemporary Chinese Fiction // *Journal of Qur'anic Studies*. 2014. Vol. 16. No. 3. The Qur'an in Modern

World Literature. Edinburgh University Press on behalf of the Centre for Islamic Studies at SOAS. Pp. 62–83.

Zhou Y. G. Language planning of China // *Journal of Asian Pacific Communication*. 2001. Vol. 11. Pp. 9–16.

2008. جلال الدين السيوطي. الاتقان في علوم القرآن. بيروت: مؤسسة الرسالة، Jalāl al-Dīn al-Suyūṭī. *Al-Itqān fi ‘Ulum Al-Qur’an*. Beirut: Mu’assasat resalah, 2008.

马坚 [Mǎ Jiān]. 中文译解古兰经 [Zhōngwén Yìjiě Gǔlánjīng]. Goodword Books, 2016.

References

Al-Qur’ān Al-Kareem (2020). Beirut: Dar Al-Doaa.

Atwill, D. (2003). Blinkered Visions: Islamic Identity, Hui Ethnicity, and the Panthay Rebellion in Southwest China, 1856–1873. *The Journal of Asian Studies*. 2003. Vol. 62. No. 4. P. 1079–1084.

Frolov, D. V. (2011) *Kommentariy k Koranu. Trinadcatiy djuz’* [Commentary on the Qur’ān. The Thirtieth Juz’]. Vol. 1. Suras 78–87. Moscow: Vostochnaya kniga. 592 p.

Frolov, D. V. (2014) *Kommentariy k Koranu. Trinadcatiy djuz’* [Commentary on the Qur’ān. The Thirtieth Juz’]. Vol. 3. Suras 98–114. Moscow: Vostochnaya kniga, 2014. 448 p.

Girgas, V. F. (2006). *Arabskiy slovar’ k Kor’anu i hadisam* [Arabic Dictionary for the Qur’ān and Hadith]. St. Petersburg: Dilya Publishing House. 928 p.

Al-Suyuti, Jalal al-Din (2008). *Al-Itqān fi ‘Ulum Al-Qur’an*. Beirut: Mu’assasat resalah.

Jin, Y. (2014). The Qur’ān in China. *Contributions to Asian Studies*. 2014. Vol. 17 (1982). Pp. 95–110; *Journal of Qur’anic Studies*. June 2014. Vol. 16. No. 2. Pp. 196–217.

Knysh, A. D. (2015). *Islam v istoricheskoy perspective* [Islam in Historical Perspective]. Kazan: KFU. 192 p.

Kor’an. Perevod I kommentarii I. Y. Krachkovskogo [The Qur’ān. Translation and Commentary by I. Y. Krachkovsky] (1990). 2nd ed. Moscow: Nauka, 1990. 727 p.

Kor’an [The Qur’ān Translated by M.-N.O. Osmanov]. (2019). Dilya, 2019. 576 p.

马坚 [Mǎ Jiān] (2016). *Zhōngwén Yìjiě Gǔlánjīng* [The Chinese Interpretation of the Qur’ān. Goodword Books.

Ma, Zhan Ming (2014). Chinese Scholarship and the Interpretation and Translation of the Qur’ān. *Journal of Qur’anic Studies*, Vol. 16, No. 2. Pp. 217–296.

Mukhetdinov, D. V. (2022). Analiticheskij obzor russkih perevodov Kor’ana nachala XXI v. [The Russian Qur’ān Translations at the Beginning of

the 21st Century: an Analytical Review]. *Islam v sovremennom mire*. 2022. Vol. 18(2). Pp. 47–74.

Mukhetdinov, D. V. (2022). Analiticheskij obzor russkih perevodov Kor'ana na konca XX v. [The Russian Qur'an Translations (the end of the 20th Century)]. *Islam v sovremennom mire*. 2022. Vol. 18(1). Pp. 47–66.

Mukhetdinov, D. V. (2021). Istoricheskij analiz razvitiya tradicii perevoda Korana na francuzskij yazyk: v poiske sinteza estetiki i nauki [Historical Analysis of the Development of the French Translation Tradition of the Qur'an: In Search of Synthesis of Aesthetics and Science]. *Islam v sovremennom mire*. 2021. Vol. 17(2). Pp. 91–118.

Mukhetdinov, D. V. (2021). Istorija tradicii perevoda Kor'ana na ispankij yazyk v XV–XX vv. v kontekste processa stanovleniya multireligioznoj ispanskoj identichnosti [The History of the Tradition of Translation of The Qur'an into Spanish in the 15–20 Centuries in the Context of the Process of Establishment of a Multi-Religious Spanish Identity]. *Islam v sovremennom mire*. 2021. Vol. 17(1). Pp. 27–58.

Mukhetdinov, D. V. (2021). Oчерк po istorii perevodov Kor'ana na russkij yazyk v XIX — seredine XX v.: vehi i perspektivy [The History of Russian Qur'ān Translations (19th Century — mid-20th Century)]. *Islam v sovremennom mire*. 2021. Vol. 17(4). Pp. 41–62.

Petersen, K. (2018). *Interpreting Islam in China: Pilgrimage, Scripture and Language in the Han Kitab*. Oxford University Press. 304 p.

Redkin, O. I., Bernikova, O. A. (2020). Koran kak object mezhdisciplinarnykh issledovaniy [The Qur'ān as an Object of Interdisciplinary Research]. *Islam v sovremennom mire*. 2020. Vol. 16. No. 4. Pp. 51–61.

Rezvan, E. A. (2014). *Vvedeniye v koranistiku* [Introduction to the Qur'ānic Studies]. Kazan: Kazan University Press, 2014. 408 p.

Sablukov, G. S. (2012). *Kor'an* [The Qur'ān]. Belii Gorod. 376 p.

Spira, I. (2005). *Chinese Translations of the Qur'ān: A Close Reading of Selected Passages*. M.A. thesis, University of Oslo.

Wen-chin, O. (2014). The Qur'an and Identity in Contemporary Chinese Fiction. *Journal of Qur'anic Studies*. Vol. 16, No. 3. The Qur'an in Modern World Literature. Edinburgh University Press on behalf of the Centre for Islamic Studies at SOAS. Pp. 62–83.

Zavyalova, O. I. (1996). Islam v Rossii i Kitaye [Islam in Russia and China: Translations of the Qur'ān]. *Problemi i potencial razvitiya Kitaya I Rossii v XXI veke*. 1996. Part 2.

Zhou, Y. G. (2001). Language planning of China. *Journal of Asian Pacific Communication*. Vol. 11. Pp. 9–16.

TRANSLATIONS OF THE QUR'ĀN INTO CHINESE: PECULIARITIES OF THE NAMES OF *SURAS*

Abstract. The paper discusses some peculiarities of translating the names of *suras* of the Qur'ān into Chinese based on the study of the most common Chinese translation made in the second half of the last century by the Muslim intellectual Muhammad Ma Jian. The work examines *suras* possessing the most significant discrepancies between the original Arabic names and the corresponding Chinese equivalents. The study is accompanied by commentary on the potential reasons for these variations while taking into account factors of an ethnocultural and linguistic nature. In a number of cases, comparisons with translations of the Qur'ān into Russian are also provided. The interdisciplinary nature of the work is manifested in the application of methods of source study, historical and philological, and comparative analysis. Having researched the main milestones in the history of translations of the Qur'ān into Chinese in the context of the spread of Islam in China, the authors come to the conclusion that the peculiarities of the translation of the names of *suras* into Chinese are largely due to the history of their occurrence and the variability of the original names since the written record of the Holy Text. At the same time, Muhammad Ma Jian's belonging to the Hui community and Chinese traditions and customs also influenced the process of choosing equivalents. Obviously, the search for correspondences relied on the synthesis of methods based on the analysis of different variants of the names of *suras* and the need for ethnocultural adaptation of individual concepts in order to ensure the adequate perception of certain concepts by the inhabitants of the China. The problems of translating the Qur'ān into Chinese are largely related to the typological difference between the two linguistic systems. In this regard, the analysis of the translations of the names of *suras* of the Qur'ān into Chinese seems to be the most optimal starting point for the study of this topic.

Keywords: Qur'ān, Qur'ān translations, sura, sura name, Chinese, Islam, Hui.

Olga A. BERNIKOVA,

Cand. Sci. (Philol.), associate professor, Arabic Philology Department, Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, Saint Petersburg State University (11 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).
E-mail: o.bernikova@spbu.ru

Ekaterina A. NIKITINA

Laboratory Assistant Researcher, Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, Saint Petersburg State University (11 Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation)
E-mail: nikitinakaterina2000@gmail.com

